

The background of the image is an abstract composition of various colored geometric shapes, primarily triangles and quadrilaterals, arranged in a somewhat chaotic but rhythmic pattern. The colors include shades of blue, green, purple, pink, and grey. The entire background has a distinct, embossed or textured appearance, similar to a woven fabric or a relief sculpture. A solid light green vertical band runs down the center of the image, serving as a backdrop for the text.

ДИНА

Р
У
Б
И
Н
А

Туман

Между земель

Дина Рубина

Туман

«ЭКСМО»

2007

Рубина Д. И.

Туман / Д. И. Рубина — «Эксмо», 2007 — (Между земель)

ISBN 978-5-04-147884-1

Когда расстрелянная девушка выбирается из братской могилы; когда в собственной семье ты обнаруживаешь историю оголенной страсти и преступления; когда осуществляется великая мечта артиста перед аудиторией из одного зрителя; когда расследование убийства в зимнем туманном городе открывает каббалистические глубины спора Света и Тьмы; когда любой заморский пейзаж, как раковина – драгоценную жемчужину, хранит историю любви или ненависти, комедию или драму... тогда становится ясным, что всякая судьба достойна рассказа, если к ней обращены острый глаз и чуткий слух писателя.

ISBN 978-5-04-147884-1

© Рубина Д. И., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дина Рубина Туман

© Д. Рубина, 2021

© Стоцкая Ю., оформление переплета, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

1

Нежно застрекотал будильник: первая, обреченная на провал попытка воскрешения Лазаря.

Сейчас стрекот перейдет в перетаптывание трех звоночков – такое *до-ми-соль* в ближний к тумбочке висок... Но и это еще не пытка. После инквизиторского арпеджио грянет подлый канкан, а вот до этого доводить уже не...

– Арка!.. Я улетела через три минуты!

Он выпростал из-под одеяла руку и на ощупь раздавил ненавистную кнопку.

– Ты когда это вчера явился? – спросила Надежда, навешивая перед зеркалом на свитер несколько рядов бедуинских бус. Она любила крупные броские восточные украшения, от которых его воротило. Иногда он говорил ей: «Ну что ты брэнчишь монистами, как пятая жена хромого бедуина?»

Странно, что он еще не стал мизантропом с этой проклятой жизнью...

– Часа в четыре...

– Опять что-нибудь *веселенькое*? – Она остановилась в одном сапоге у двери. Второй в руках. Все еще лежа, Аркадий через дверь спальни разглядывал жену. Наконец рывком откинул одеяло и спустил ноги. Здравствуй, новый день, как бы тебя прожить.

– Да, самоубийство. Девушка покончила с собой, и очень странно это проделала... Ну, ты только не трепись там в своей аптеке. Ничего еще не известно...

– Это кто... где?

Кажется, Надежда забыла, что собиралась «улететь» три минуты назад.

Аркадий молчал: ожесточенно скалясь, чистил в ванной зубы, и она дожидалась, когда он сплюнет.

– Ты, может, помнишь, – такой пожилой полицейский, Валид... мы с ним столкнулись в Акко, в порту, после пикника на прошлый Юлькин день рождения.

– Не помню, – сказала она. – А что?

– Вот его дочь. Старшая, незамужняя... Девушка-то она относительная, ей лет тридцать пять было... Есть еще младшая, теперь сможет выйти замуж. У *них* же младшая раньше старшей выскочить ни-ни...

– Ну и что? – спросила Надежда, заранее раздражаясь. – Ты-то чего переживаешь? Прикончили они ее, что ли?

Он посмотрел в окно и ахнул: стена тумана – буквально, словно кто в двадцати сантиметрах от дома выставил глухой серый щит. Круглый фонарь у балкона укутан в вату и похож на яблоко «белый налив».

– Это как же я сегодня поеду? – спросил сам себя Аркадий. – А? Что ты сказала? Прикончили? Похоже на то...

– О-ос-с-пади! – воскликнула Надежда в проеме уже отворенной двери. – И стоит, качаясь, тонкая рябина! Ты ж сам говорил, что таких дел тьма-тьмущая – *они* своих баб, как мух, давят, режут и жгут! Ну и что теперь?

– Ладно, топай, опоздаешь... – буркнул он.

Надежда любила пройтись по его «нежной психике», с которой музыку вундеркиндам преподавать, а не с обгорелыми трупами возиться.

– Постой... – Она даже порог переступила обратно, в квартиру. – А ты разве имеешь право его допрашивать? Ты же говорил – дела, связанные с полицейскими, передают в Министерство юстиции?

– Надь! – крикнул он весело, натягивая свитер. – Бросай клизмы продавать, идем ко мне в следственную группу! Ты так законы знаешь, даже завидно.

Она хлопнула дверью.

Все, надо уже ехать к ежедневному селекторному совещанию, тем более что пробираться в зимнем тумане придется на ощупь. Но он все медлил... еще пять блаженных минут... Чашка кофе на своей кухне...

Надька-то молодец, вечная отличница, железная память. Да, скорее всего, дело передадут в Минюст. Но на этапе предварительного следствия попотеть придется именно ему, то есть его группе, отнюдь не великой. Цфат – город маленький: он сам да два сержанта-следователя – вот и вся могучая интеллектуальная наличность.

На столе лежала книга, которую уже дней пять с увлечением мусолила дочь, – «Ведьмы и колдуны». Завлекательное название.

Допивая кофе, он брезгливо пододвинул к себе этот шедевр с бородатым старцем шамановатого вида на глянцевой обложке. Открыл оглавление: да-да... «Черная месса»... «Пламя сатанизма»... «Охота на ведьм»... – очень, очень хорошо! Выпороть безжалостно, вот что надо сделать с этой четырнадцатилетней ведьмой, у которой, если не ошибаюсь, там какой-то должок по математике.

Он пролистнул наугад две-три страницы: все ясно, обычный мусоросборник, куда валом накиданы статейки из какой-нибудь смоленской газетки «Русич» вперемешку со статьями из научных журналов. Так-так... «Охота на ведьм в западноевропейских странах». Господи, зачем это ребенку? Что она в этом находит? «... В Брауншвейге было воздвигнуто столько костров на площади казни, что современники сравнивали это место с сосновым лесом. В течение 1590–1600 гг. были дни, когда сжигали по 10–12 ведьм в день. Магистрат города Нейссе соорудил особую печь, в которой в течение 9 лет были сожжены более тысячи ведьм: среди них и дети в возрасте от 2 до 4 лет... В свободном имперском городе Линдгейме 1631–1661 годы замечательны особенно жестокими преследованиями. Подозреваемых женщин бросали в ямы, «башни ведьм», и пытали до тех пор, пока...»

Захлопнул книгу. Поднялся, стал натягивать и шнуровать ботинки...

И пока надевал форменную куртку, выходил из подъезда в сырую вату зимнего утра, включал «дворники», разогревал мотор... перед глазами всплывали картинки вчерашней ночи, словно выныривая из кисельного тумана.

Просторный, пустоватый и чисто прибранный дом Валида – фотографии старцев в золоченых багетных рамах на стенах... Посреди большой парадной комнаты на первом этаже – печь-буржуйка с целым набором медных джезв; самая малая, с потеками сбежавшего кофе, еще остывает.

Валид с сыном сидели в разных углах дивана, безучастные к появлению в доме все новых лиц, грозно-замкнутые, как и полагается: *мужчины в горе*.

Умершая лежала в комнате на втором этаже, в своей кровати, укрытая одеялом под подбородок. Высокий ворот зеленого свитера придавал мертвому лицу землистую желтизну.

Заплаканная младшая сестра, в длинной галабие и белом платке, запахнувшем нижнюю часть лица, сидела, сгорбившись в кресле, искоса слеживая за странными челночными передвижениями следователя по комнате.

– Значит, вчера еще была здорова? – в третий раз уточнил Аркадий.

Та опять дежурно взывала. Он переждал, терпеливо и сострадательно глядя на девушку. Из-за этого платка, стершего губы и подбородок, ее большие красивые глаза чем-то напоминали часы-ходики в подмосковном доме бабы Кати, под которыми он проспал все летнее детство.

Жива-здорова, жива-здорова, горячо подтвердила она. Только печальна... Все говорила, что ей жить надоело, и просила последить за нею, а то чувствует, что может покончить с собой.

Аркадий совершил по комнате бог знает какой по счету круг, опять остановился напротив девушки.

– Что ж ты не следила? – спросил он мягко.

– Я следила-следила, а потом заснула... – ответила та. – Просыпаюсь утром – а она мертвая.

Ага, вот почему эти глаза напоминают ходики: девушка все время держит в поле зрения Варду, которая сейчас растеклась телесами в соседнем кресле и, кажется, не прочь вздремнуть. Господи, дождется ли он ее ухода на пенсию в будущем году, чтобы вытребовать себе какого-нибудь шустрого парнишку и гонять его в хвост и в гриву, а не мотаться везде самому! В последние годы он жалел предпенсионную Варду и не дергал ее попусту. Что уж говорить, старушка накатала уважительную биографию; тридцать лет на одном месте. Кстати, у нее неплохая интуиция и поразительная бабская память на тряпки – может без запинки сказать, во что ты был одет, когда в прошлом году случайно столкнулся с ней в супермаркете. Однажды это сыграло-таки свою роль в расследовании безнадежного дела, и Варда заботилась, чтобы никто и никогда этого не забыл. Таким образом, толстуха стала живой легендой еще до ухода на пенсию. Напрочь отсутствуют у нее только мозги. Однако сейчас она необходима, хоть и дремлющая: Валид с сыном – даже и растерянные, даже и парализованные неожиданным для них столпотворением в доме – ни за что не допустили бы уединения его, мужчины, с девушкой.

Он еще потоптался в комнате, дожидаясь вызванной им мобильной криминалистической лаборатории. Несколько раз останавливался и смотрел на изможденное каким-то тягучим страданием желтое лицо покойной... Казалось, нечеловеческая мука прочно угнездилась в этом теле, уже покинутом душой, и продолжает раздирать добычу.

Отвернулся и вышел на галерею, опоясывающую весь второй этаж.

Деревня погружалась в сон...

Лезвие новенького месяца на поверхности небесной глубины и крошечная неподалеку от него звезда казались фрагментами чьего-то лица, частью закрытого, – скажем, бровь и родинка на щеке. Сюда несло запахом навоза и дыма, во дворе отрывисто лаял пес, и где-то выше на горе постреливали с крыш: видать, кто-то что-то праздновал – *они* никогда не упускают возможности показать, что в доме есть оружие.

Аркадий достал из пачки сигарету, закурил.

В комнате за его спиной уже работал приехавший с лабораторией Рон Деген; на галерею невнятно доносился его спокойный голос – Рон беседовал с Вардой. У этих патологоанатомов, подумал Аркадий, всегда такое ровное настроение и такие уютные голоса, будто не жмуриков они потрошат, а орхидеи выращивают. Особенно Рон – никогда не повысит тона. Однако интересно, что он скажет об этом случае.

Опытный специалист, Рон обычно на глаз определял, надо ли забирать тело на вскрытие. Ибо это всегда означало – скандал.

Ни один из живущих здесь народов, ни одна из многочисленных национальных групп не любили отдавать своих покойников на вскрытие. Нужны были чрезвычайные обстоятельства. Вон ультраортодоксальные евреи – те и вовсе черт-те что вытворяют, чтобы вскрытия избежать: крадут тела родных из морга, из больниц. Само по себе это еще не означает ничего подозрительного.

К тому же семья была не чужой: и Валид, и его сын Салах служили в полиции...

У сына странные прозрачные глаза – травянисто-зеленые, красивые, но с еле приметной раскосиной; впечатление, будто смотрит сквозь тебя. Да еще под левым глазом дергается желвак, точно он подмигивает кому-то за твоей спиной.

Говорят, умершая сестра вынянчила его с младенчества – мать рано скончалась. Так что *эта* была ему как мать. То-то линейная патрульная служба, вызванная «скорой», решила не

мусолить дело, закрыть глаза – мол, семейная драма, к чему людям в душу лезть? И только вьедливый Давид, везде и во всем подозревающий противоестественную смерть, настоял вызвать следователя.

Вот его-то мы и вытребуем себе вместо Варды. А что? Послать на курсы переквалификации... Парень с мозгами и принципами... Характер, правда, зловредный. Ничего, ничего... столкнемся.

Теперь предстояло самое неприятное: заставить родственников подписать бланк на разрешение вскрытия.

А может, бог с ним, с этим семейным делом, подумал он... Род приходит и род уходит, и ничего не меняется в этих деревнях с их вековым укладом, сиди здесь наместник Оттоманской империи, британский комиссар или начальник следственной группы полиции Израиля. Покончила девушка с собой или ей помогли родственники... а не исключено, что и жертва, и палачи слились в этом высоком деянии... Можно, конечно, пуститься в опасные дебри под названием «восстановление семейной чести» и, все вокруг разворотив, посчитать себя вершителем справедливости. Но никто из полутора тысяч живущих в деревне мужчин и женщин не посочувствует жертве и не поблагодарит полицию. Наоборот!

Однако интересно – что же натворила эта несчастная...

На галерею вышел Рон, оперся рядом на перила и негромко проговорил:

– А на шее-то у нее – странгуляционная борозда.

Аркадий затянулся последний раз сигаретой, придавил окурочок о блясину каменных перил и отщелкнул вниз.

– Будем забирать, – сказал он.

Оглянулся на дверь в комнату, освещенную ярким светом пятирожковой люстры, отсюда, из темноты ночи, похожую на сцену. Там, по-прежнему страдальчески подняв брови над озорными глазками, сидела в кресле младшая дочь Валида.

– Здесь подожди, – сказал Аркадий, проходя мимо Варды, – я сам попытаюсь, по-хорошему... Они оба с пушками.

* * *

Всю неделю влажная муть носилась над горами Галилеи, ошметками облаков цепляясь за щетину хвойных лесов. Затем три дня подряд выпали ясными, земля запарилась, задышала... С высоты Цфата озеро Кинерет, море Галилейское, казалось выпуклой продолговатой линзой. С такой точки обзора становилось совершенно очевидным, что земля круглая.

По склонам глубоких лощин кое-где стелился бело-розовый дымок, будто кто-то печет картошку; это просто зацвел миндаль.

Но к началу новой недели хлынули дожди и опять забыли за собой прибрать: все висели и висели в воздухе дырявые пары... Не рассеивались.

В понедельник пришли результаты вскрытия из института судебной экспертизы, в просторечии именуемом «Абу-Кабир», поскольку находился он рядом со знаменитым следственным изолятором того же названия.

Аркадий смотрел на голый колючий куст бугенвиллеи за стеклом. Летом пышный и рдяный – мельком глянешь в окно, и такой глазу праздник! – сейчас он сиротливо дрожал на ветру, протыкая длинными колючками туманную вату.

Томительные зависания пауз, робкие всхлипы, одинокие потерянные созвучия: Дебюсси, этюды – вот что такое этот долгий туман. Этюды Дебюсси, которые так любил покойный Станислав Борисыч...

Он опустил глаза к стандартным бланкам, перечитал. Пробежал по столу быстрыми пальцами...

Он скучал по инструменту, к которому жизнь проклятая не подпускала ни на минуту, и часто проигрывал какой-нибудь пассаж на любой, что под руку попадалась, поверхности. Этюд Дебюсси он играл на панихиде по любимому профессору, в большом зале консерватории, где обычно выставляли гроб для прощания...

Почему, почему именно в периоды зимнего тумана особенно часто вспоминался Станислав Борисыч?

Он почесал ручкой за ухом...

Согласно результатам экспертизы, господа мои хорошие, девушка (он мысленно называл ее «старой девушкой») вовсе не была накануне «жива-здоровая-жива-здоровая»... а умирала четверо суток – страшно и мучительно. Это ж любо-дорого, что понаписали тут наши друзья из «Абу-Кабира»: и паралич дыхательной системы, и сожженный пищевод – увлекательная повесть, черт бы вас всех драл. Главное, смерть от инфаркта – видимо, не вынесла страданий.

Он вспомнил конвульсивный желвак под глазом у Салаха, окаменелые скулы отца, заплаканное, но омытое ожиданием лицо младшей, смазливой сестренки.

Старшая-то была нехороша – черты угловатые, нос длинен. Впрочем, при жизни, наверное, все это как-то смягчалось женским обаянием.

Н-да... экспертиза ядов здесь вообще вопрос вопросов. Специалистов раз, два и... действительно, раз и два: один русский, другой аргентинец – два веселых гуся. Работа адова, каждый следователь умоляет ускорить результаты. Да и результаты, мягко говоря, неоднозначны.

В нашем случае: за четверо суток яд в организме успел рассосаться. Поди докажи – чем ее отравили... Теперь надо исхитриться, извернуться в тесном бюджете, выкроить средства и послать *ткани* на экспертизу в Лондон, в FFS, – удовольствие не из дешевых, что уж говорить, – все-таки частная коммерческая фирма эта замечательная лаборатория...

К полудню серая мгла не то чтоб поредела, но как-то двинулась, зашевелилась... потекла киселем.

Из окна щитового домика, где размещалось полицейское управление, открылся склон ближней горы с ржавыми рядами низких, голых по зиме виноградников.

Немного просветлел и повеселел воздух, и в серебристой зыби возникли очертания домов, минарета, башни отеля; мощными гренадерами встали и задышали по краям дороги голубые атлантические ели, которые в детстве он знал «кремлевскими», а встретив в горах Галилеи, ахнул и остался здесь жить. Хотя уже не раз на работе ему предлагали перейти в Центральный округ.

Но он любил старый Цфат, крутую гору, где каменные ступени либо уходят в небо, либо обрываются в никуда; где скворечники пяти-, семи- и девятиэтажных домов словно прибиты к скале чьей-то могучей рукой и – глянешь с дороги снизу – как бы висят в воздухе. Где огромные, кокардами, фонари в сумерках наливаются желтым медом, а решетки балконов, ставни, притолоки и даже каменные заборы горожане красят в голубой и синий, что, как известно, отпугивает от жилища демонов, диббуков и привидений.

Здесь на каждом шагу встречались цветные шероховатые стекла. Их вставляли в окна, двери, решетчатые ограды; взгляд там и тут умилялся всем оттенкам синего, красного, фиолетового, зеленого и желтого. А если поутру проснуться в таком вот старом доме, когда в высоком арочном окне вспыхнет перезвон красного с солнечно-желтым – в тебе всеми духовыми

и медными так и грядет неумное счастье: ты проснулся в раю, прозрачном, многоцветном, горнем раю!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.